

Павел Александрович Шишков — морской офицер, сын известного в свое время батумского военного врача. Летом 1897—1899 годов Шишковы жили на даче в селе Васкино в четырех километрах от Мелихова, где в ту пору жил А. П. Чехов. Шишковы и Чехов познакомились и часто бывали друг у друга. Подружился Чехов и с сыном Шишковых — Павлом, с которым проводил часы за ужением рыбы.

Не прерывались связи с Шишковыми и позже. В июне 1900 года Чехов вместе с А. М. Горьким, художником В. М. Васнецовым, доктором А. Н. Алексиним и Л. В. Срединным ездил в Батум и останавливался у них в доме.

В 1938 году в лондонской газете «Лиснер» П. А. Шишков опубликовал воспоминания «Я знал Чехова». На русском языке они публикуются впервые.

Чехову было тридцать семь лет, когда я — в то время десятилетний мальчик — познакомился с ним. Весной мы приехали в Васкино — село, расположенное в восьмидесяти восьми километрах к югу от Москвы, и там я обнаружил двух стран-

навали их — офицеры гарнизона, которые часто заходили в наш дом в Батуме. Добрый слабый барон Тузенбах, благородный полковник Вершинин, интересующийся социальными проблемами и философией, агрессивный Солень — типичная гарнизонная жизнь со всеми ее мелкими трагедиями, тесными кружками и сплетнями небольшого городка... Удивительно, что Чехов никогда не наблюдал этой жизни сам, и его первые представления о ней могли возникнуть в то время, когда мы с ним удили рыбу или они вместе с матерью гуляли в лесу.

Вспоминаются мне их разговоры о браке. Иногда у нас гостили интересные незамужние женщины — и моя мать намекала, что они хотели бы обратить на себя его внимание. Но это было совершенно безнадежно, потому что он всегда находил способ удалиться под тем или иным предлогом, например, ужение рыбы или собирание грибов со мной, и тогда

ловня, которая ухаживала за ним. Чехов же построил себе маленький домик в центре яблоневого сада; там он спал и работал. Я помню, как он впервые пригласил меня одного в этот флигел. Конечно, я был там и прежде в компании тех, кому показывали его. И я часто бывал на чаепитиях в другом доме. Но прежде я никогда не бывал наедине с Чеховым в его тайном прибежище. Так вот, лето 1899 года было чрезвычайно урожайным, и деревья в саду Чехова ломились под тяжестью плодов. А однажды произошло несчастие ос. Чехов взял меня с собой и показал, какой вред приносили осы. Мы шли между деревьев, пока не увидели гнездо. Я предложил поместить над его отверстием стеклянную мухоловку — нечто вроде перевернутой бутылки. Очень хорошо помню восторг Чехова, когда мы вернулись после чая осмотреть ловушку и нашли ее заполненной. Затем он позвал меня в свой домик, и тут я увидел большую яблоню — совсем недалеко от входа. Она была обременена спелыми плодами, хотя на ней имелись еще и цветы. Позже я наблюдал подобное в Англии, но в России никогда прежде не видел. Заметив мое удивление, Чехов сказал очень серьезно: «Видишь ли, объясняется это тем, что за этой дверью живет необычный человек, который, как полагают, должен стать великим писателем. И поэтому природа тоже ведет себя необычно».

Я понял, взглянул сначала на него, потом на дерево, и он рассмеялся — буквально разразился смехом — и повел меня по ступенькам прямо к двери, затем через небольшую переднюю комнату с одной дверью в его спальню и другой — в его кабинет. Несмотря на то, что на столе были разбросаны разные бумаги, у меня осталось впечатление о комнате как очень опрятной. Он был аккуратный человек. Затем Чехов снял с полки маленькую книжку в коричневом переплете, свой трогательный рассказ о собаке — дворянке Каштанке, взял перо и написал: «Дорогому Павлу, на память от автора». Я не взял эту книгу с собой, когда уезжал из России, — если бы я знал, что никогда не вернусь обратно... но я и так никогда этого не забуду.

И что еще я никогда не забуду — это отношение Чехова к крестьянам. Условия, в которых жили крестьяне вокруг Мелихова, были весьма плохи, и Чехов был огорчен этим. Да и вообще в то время, когда я встречался с Чеховым, выглядел он довольно грустным. Я полагаю, отча-

НА РЫБАЛКЕ

ных такс, которых оставил здесь для присмотра их хозяин. Это был владелец соседнего имения Мелихово — Чехов, находившийся в то время в Москве. Собак звали Бром и Хина. Чехов, как известно, был врачом и своим собакам давал «медицинские» клички. Была у него еще одна собака — Иод. Чехов редко брал собак на прогулки: ведь это чисто английская привычка. Собаки мешали бы ему в лесу, когда он хотел сосредоточиться, обдумывая новый рассказ или пьесу. Чехов любил гулять по лесу, собирать грибы или ягоды. Еще любил он рыбную ловлю, но в Мелихове трудно было поймать что-либо: там лишь недавно вырыли пруд, и в нем было мало рыбы. У нас в Васкино было большое озеро, и в нем водились карп, щука, окунь и разная мелочь. Мы обычно серьезно обсуждали самую лучшую приманку или положение поплавка, и поначалу к этому сводилась почти вся наша беседа. Однако я часто замечал, что Чехов хочет помолчать, хотя сам он об этом мне ничего не говорил. Он любил спокойно сидеть на берегу озера и размышлять в одиночестве. А ловля рыбы давала еще работу рукам, что совсем успокаивало его. Правда, моя мать строго наказывала мне не разговаривать с ним, когда мы были вместе. Однажды все-таки она застала нас за беседой и запретила мне впредь ходить с ним на рыбалку, чтобы не мешал ему думать. К тому же, сказала она, насаживать на крючки живых червей и ловить на них рыбу — жестоко и вовсе не занятие для мальчиков. Чехов возразил, сказав, что ужение рыбы развивает в мальчике терпение и умение тонко наблюдать природу. Сам он, конечно, уже научился этому. Чехов, разумеется, смог доказать ей свою правоту, и мы продолжали ходить вместе, хотя наш улов никогда не составлял более четверти фунта. Однако поймать вертко-го окуня было столь же приятно, как и большого карпа.

«Улов» же Чехова был намного более значительным: он начинал обдумывать план своей пьесы «Три сестры» — о жизни в небольшом русском гарнизонном городке. Чехов не знал жизни военных, но мой отец был военным доктором, а моя мать и ее незамужние две сестры — дочерьми генерала. Наши соседи всегда называли их «три сестры». В зимние месяцы мы жили в гарнизоне в Батуме. Удивительно было наблюдать, как Чехов погружался в работу, проникаясь атмосферой нашей тамашней жизни. Однажды во время рыбалки он принялся расспрашивать меня о ней, и, помню, я с большим волнением рассказывал ему, что как-то раз видел двух офицеров, дравшихся на дуэли напротив нашего дома. Из окна своей детской я видел, как один из них повернулся лицом к парадной двери нашего дома и трижды выстрелил. Я бросился в гостиную и увидел второго офицера, залитого кровью. Теперь каждый может легко представить, что сделал Чехов из этого в «Трех сестрах».

Просто удивительно, как он узнавал о нас все, так мало говоря сам. Он обладал искусством поддерживать беседу, вставляя лишь отдельные слова. Беседы с ним сводились к тому, что ему рассказывали, а он молчал. Невозможно было узнать, что он думает на самом деле. Он никогда не раскрывал себя, он открывал души других. Было интересно наблюдать за его беседами с моей матерью. Она всегда говорила о трудностях и заботах молодой образованной женщины, вынужденной жить в глуши, и когда Чехов слабо противоречил ей, то еще больше вызывал ее на откровенность. Я вполне понимаю, сколь велико было волнение моей матери по возвращении с премьеры «Трех сестер» в Москву. Роль Маши, замужней сестры, не могла не напоминать ей разговоров и споров, которые она когда-то вела с Чеховым. А другие герои — мы все легко уз-

С ЧЕХОВЫМ

он обычно исчезал на весь день. Однажды я слышал, как Чехов сказал: «Никогда не женитесь на интересной женщине — она только помешает вашей работе». А когда моя мать вынудила его ответить, что делает женщину интересной, он сказал: «Интересная женщина — это женщина абсолютно добродетельная, но с небольшой долей порока, не помешает ей и немного еврейской крови. И еще она должна быть актрисой. Никогда не женитесь на таких женщинах». И вот вскоре мы узнали, что Чехов женился на Книппер, игравшей главные роли в его пьесах в Московском Художественном театре. И кто-то сказал тогда, что этим он нарушил все свои принципы.

Иногда меня спрашивают, как он выглядел. Мне вспоминается, как с него писали портрет. Для этого приехал известный художник Браз, и я помню мольберт, стоящий в большом доме. Помню, как Чехов смотрел на всю эту затею как на тяжкий долг, который надо исполнить до конца.

Чехов был очень скромным человеком, с довольно мелкими чертами лица и добрыми глазами (я не помню цвета его глаз: они прятались за пенсне, но были добрыми). Он был олицетворением доброты. Невозможно себе представить его когда-либо спорящим или несдержанным. И в то же время я не помню, чтобы кто-то был слишком фамильярен с ним. Он уходил в себя — вам известен этот вид отрешенности. А спокойствие его голоса, полное отсутствие пыла в речи почему-то сдерживали даже самых агрессивных.

ОДЕВАЛСЯ он просто, но опрятно, носил пиджачный костюм и иногда летний пиджак из чесучи — они были очень модны в России — и что-то вроде панамы. Выглядел он совсем как человек интеллигентного труда, как доктор на отдыхе. Я думаю, это самые подходящие слова, ибо когда он приезжал в деревню, он отдыхал. Чехов восстанавливал свои силы после зим, которые были так губительны для его здоровья, — как известно, он страдал туберкулезом, — именно поэтому он купил Мелихово. Причем он никогда не спал и не работал в большом доме. Там жили старые родители Чехова — это были поистине восхитительные простые люди — и его очаровательная сестра Мария Пав-

сти из-за болезни, а отчасти из-за провала его пьесы «Чайка». Он был очень расстроен этим обстоятельством, и чувство это чуть ли не целиком захватило его. Чехов видел в жизни много плохого, и я хорошо помню, как он говорил моей матери, когда дарил ей книгу своих ранних юмористических рассказов, что они ему совершенно не нравятся. Он сказал, что студентом вынужден был писать их под псевдонимом Чехонте, чтобы заработать деньги. Сам же он хорошо понимал, что смешное в них слишком похоже на карикатуру. Жизнь не была такой.

Но, я думаю, его особенно огорчало положение крестьян. Он не мог существенно помогать им материально, ибо никогда не был обеспеченным человеком, но крестьяне любили его. Я помню, однажды мы шли с ним к деревне, и крестьяне выходили поприветствовать его с дружескими улыбками. Один или, кажется, двое стариков подошли к нам, и я видел, как Чехов с озабоченным лицом слушал их рассказ о нехватке семян, сельскохозяйственных орудий и тому подобном. Чехов старался делать для них все, что мог. Он никогда не показывал своего положения «помещика», сочувствовал крестьянам, давал им советы, иногда медицинские, хотя часто говорил, что из-за отсутствия практики наполовину забыл, что знал раньше. Относительно же социальной проблемы в целом и бедственного положения крестьян в этой губернии Чехов не видел какого-либо способа быстрого разрешения. Он не был революционером, но до мозга костей был реалистом. Чехов никогда не шел далее спокойного, сатирического изображения чиновничества. Несомненно, слова, вложенные им в уста Вершинина в «Трех сестрах», в значительной степени выражали его собственные взгляды: у этих проблем скорого решения нет, но из наших страданий вырастет со временем счастливая и прекрасная Россия, хотя пройдет много, много лет...

Публикация В. А. АЛЕКСАНДРОВА, научного сотрудника ИМЛИ им. А. М. Горького.

Полностью воспоминания П. А. Шишкова будут опубликованы в сборнике «В мире отечественной классики», подготавливаемом и печатается издательством «Художественная литература».